

Батанов Андрей Николаевич

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА НЕВМЕНЯЕМОСТИ В УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НАУКЕ РОССИИ XIX ВЕКА

Статья посвящена исследованию представлений о неменяемости в уголовно-правовой науке России XIX века. Автором проведен анализ основных научных работ российских ученых-криминалистов по данной теме, нормативных основ института неменяемости, иностранного влияния на представление российских правоведов, изучено отражение меняющихся научных представлений в учебной литературе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/8-1/7.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 8 (22): в 2-х ч. Ч. I. С. 38-41. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. **Захаров В. Н.** Таможенные учреждения в России в XVII в. // Государственные учреждения России XVII-XVIII вв. / под ред. Н. Б. Голиковой. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 49-76.
2. **Козлова Н. В.** Купцы в структуре государственного управления России XVIII в. // Вестник ВГУ. Серия «История». 1991. № 4. С. 3-14.
3. **Козлова Н. В.** Российский абсолютизм и купечество в XVIII в. (20-60-е гг.). М.: Археографический центр, 1999. 381 с.
4. **Писарькова Л. Ф.** Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII в.: эволюция бюрократической системы. М.: Российская политическая энциклопедия, 2007. 325 с.
5. **Полное собрание законов Российской империи:** в 48-ми т. СПб.: II Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собр. 1. 1649-1830 гг.
6. **Российский государственный архив древних актов (РГАДА).** Ф. 397. Комиссия о коммерции и пошлинах. Оп. 1.
7. **Российский государственный исторический архив (РГИА).** Ф. 138. Петербургская портовая таможня департамента таможенных сборов Министерства финансов. Оп. 6.
8. **Таможенная служба Санкт-Петербурга (1703-2003 гг.)** / сост. И. И. Мушкет, Н. С. Нижник, Н. В. Симонова; под ред. В. И. Вьюнова. СПб.: Сатис, 2003. 335 с.

SERVICE ORGANIZATION IN REGULAR CUSTOMS OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE XVIIITH CENTURY

Valentina Grigor'evna Balkovaya, Ph. D. in Political Science, Associate Professor
Department of State and Law Theory and History
Russian Customs Academy (Branch) in Vladivostok
valyabalk@yandex.ru

The author considers the problem of customs service formation on regular basis in the Russian Empire in the XVIIIth century, studies service organization in port and border customs, its normative and organizational foundations, and uses the collection of the normative acts of the Complete Collection of Laws of the Russian Empire, as well as the records management materials of St. Petersburg port customs as the source base of the research.

Key words and phrases: Russian Empire; customs service; customs servants; customs stewards; port customs; border customs.

УДК 343.225

Юридические науки

Статья посвящена исследованию представлений о невменяемости в уголовно-правовой науке России XIX века. Автором проведен анализ основных научных работ российских ученых-криминалистов по данной теме, нормативных основ института невменяемости, иностранного влияния на представление российских правоведов, изучено отражение меняющихся научных представлений в учебной литературе.

Ключевые слова и фразы: уголовное законодательство; история уголовного права; вменяемость; невменяемость.

Андрей Николаевич Батанов, к.ю.н.

Кафедра уголовного процесса и криминалистики

Ульяновский государственный университет

Anbat78@mail.ru

**ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА НЕВМЯЕМОСТИ
В УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НАУКЕ РОССИИ XIX ВЕКА[©]**

Проблема определения понятия «невменяемость», ее признаков, критериев, последствий была в центре внимания ученых-правоведов России в течение длительного времени. С развитием уголовного законодательства менялись подходы к изучению этой сложной правовой категории. В свою очередь, достижения науки уголовного права оказывали существенное положительное влияние на формирование законодательно-го института невменяемости.

Отдельные нормы, предусматривающие возможность освобождения от уголовной ответственности, со-держатся еще в законодательных актах России XVII века. Так, в Новоуказных статьях «О татьбах, разбойных и убийственных делах» 1669 г. содержалась норма об освобождении душевнобольных от ответственности за убийство [5]. Законодательство петровского времени также предусматривает освобождение от наказания душевнобольных. В толковании ст. 195 Воинских артикулов предусматривалось смягчение или полное освобождение от наказания того, «кто воровство в лишении ума учинит». Воинские артикулы также предписывали «извинять» вину, «ежели кто учинит самоубийство в беспамятстве, болезни и меланхолии» [6, с. 36].

Вышеназванные акты предусматривали освобождение от наказания только за отдельные виды преступлений: убийство, воровство и другие. Кроме того, в данных актах отсутствовали общие критерии освобождения от наказания. Душевные болезни определялись в самом общем виде. И главное – не содержалось указания на необходимость установления причинно-следственной связи между психическим заболеванием и противоправным деянием.

Первые упоминания о невменяемости в российских научных трудах по уголовному праву можно отнести к 20-м годам XIX века. Здесь неоспорим вклад выдающегося русского ученого Гавриила Ильича Солнцева. В подготовленном им учебнике «Российское уголовное право, изложенное Гавриилом Солнцевым» (не был издан, сохранился только в рукописи) автор впервые в России фактически использует понятия «вменяемость» и «невменяемость», делает попытку выделить медицинский критерий невменяемости.

По Г. И. Солнцеву, «преступление есть деяние свободное». Таким образом, необходимо, чтобы лицо, его совершившее, «имело разум и свободную волю». Именно поэтому невозможно привлечь к ответственности душевнобольных, неспособных контролировать свои действия. Преступление может быть вменено только человеку, который «при употреблении разума и свободе произвола» способен руководить своими действиями. Г. И. Солнцев подразделяет лиц, «не способных к вменению», на три группы: 1) сумасшедшие; 2) безумные; 3) природные дураки. Эти категории людей признавались невменяемыми и не несли наказания за совершенные деяния. В целях обеспечения безопасности общества и их самих они помещались в сумасшедшие дома или отдавались на попечение родственникам [11, с. 397].

Развернутое определение понятия невменяемости на законодательном уровне впервые было закреплено в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [10, с. 48]. Принятие данного Уложения означало новый этап развития российского уголовного законодательства в целом и законодательства, регулирующего вопросы уголовной ответственности психически больных, в частности.

В п. 3 ст. 92 Уложения в качестве причины невменяемости указываются безумие, сумасшествие и припадки болезни, приводящие в «иступление или совершенное беспамятство». Фактически в п. 3 данной статьи указан медицинский критерий невменяемости, куда относятся: безумие, под которым понималось врожденное психическое заболевание, сумасшествие, то есть приобретенная душевная болезнь, и припадки болезни, выражаясь современной терминологией – временное психическое расстройство.

В ст. 95 и 96 Уложения раскрывались понятие невменяемости, его юридический и медицинский критерии, а также предусматривались определенные виды принудительных мер медицинского характера.

В ст. 95 Уложения указывалось, что преступление или проступок, учиненные безумным от рождения или сумасшедшим, не вменяются им в вину, когда нет сомнения, что безумный или сумасшедший по состоянию своему в то время не мог иметь понятие о противозаконности и о самом свойстве деяния. Однако учинившие смертоубийство или посягнувшие на жизнь другого лица, свою собственную или на «зажигательство», безумные или сумасшедшие должны были заключаться в дом умалишенных даже в том случае, когда их родители или родственники пожелали взять на себя обязанность смотреть за ними и лечить их у себя.

Статья 96 Уложения определяла условия применения принудительного лечения к лицам, совершившим общественно опасные деяния в состоянии временного психического расстройства – «в точно доказанном» припадке умоиступления или совершенного беспамятства. Совершивший в таком припадке болезни смертоубийство или же посягнувший на жизнь другого или собственную либо на «зажигательство» отдавался вместо дома умалишенных на попечение родителям, родственникам, опекунам или, с их согласия, и посторонним, с обязательством иметь за ним тщательное непрестанное «смотрение» во время его болезни и лечения, предотвращая всякие дурные или опасные для других или же для него самого последствия его припадков умоиступления. Когда родители больного или его родственники, опекуны или посторонние, желающие взять его на свое попечение, оказывались недостаточно благонадежными и от них нельзя было ожидать точного исполнения возлагаемой на них обязанности, то страдающий припадками умоиступления отдавался для лечения и присмотра за ним в больницу, где и оставлялся до полного выздоровления.

Анализ рассмотренных выше норм показывает, что юридическим критерием невменяемости, по Уложению, была невозможность по своему психическому состоянию иметь понятие о противозаконности и самом свойстве своего деяния. Следовательно, выделялся только интеллектуальный элемент невменяемости. Однако ряд авторов уже в то время предлагали выделить и волевой элемент. Так, Л. С. Белогриц-Котляревский писал: «Встречаются субъекты, понимающие противозаконность и само свойство деяния и в то же время неспособные в силу своего болезненного психофизического состояния руководить своими поступками, которые поэтому и не могут быть им вменены...» [1, с. 139]. Автор предлагал расширительно толковать данную норму, учитывать и волевой элемент невменяемости.

В целом кодификация уголовного законодательства, так же как и последовавшая реформа уголовного судопроизводства, явившаяся частью судебных реформ 1860-х годов, дала существенный импульс развитию науки российского уголовного права. Большая открытость общества, возросший интерес к правовой проблематике обусловили повышенное внимание к вопросам правового положения душевнобольных, определения правовых категорий вменяемости и невменяемости, к мерам, которые следует применять к психически больным, нарушившим закон и представляющим опасность для общества.

Существенное влияние на исследование категорий вменяемости и невменяемости оказали труды зарубежных, в первую очередь немецких, ученых. По своей системе германское уголовное право было достаточно близко к российскому. Кроме того, вторая половина XIX века характеризуется развитием психиатрии

в германоязычных государствах. Считаем, что наибольшее влияние на российскую науку оказали работы немецкого ученого А. Ф. Бернера. Так, в изданном на русском языке учебнике уголовного права имеется сформулированное понятие вменяемости, раскрываются обязательные условия вменяемости, формулируются признаки невменяемости.

А. Ф. Бернер указывает, что «для вменяемости, то есть для уголовной ответственности, требуется: 1) самосознание; 2) сознание внешнего мира и 3) развитое сознание» [2, с. 342]. Автор фактически отождествляет вменяемость с уголовной ответственностью, а также определяет обязательные условия вменяемости.

А. Ф. Бернер рассматривает вменяемость как правовую категорию, определяющую возможность привлечения лица к уголовной ответственности и назначения ему наказания. Данная категория охватывает практически все свойства субъекта преступления: определенное психическое состояние, уровень интеллектуального развития, достижение соответствующего возраста. Автор относит к невменяемым и лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, что соответствовало законодательству того времени. По его мнению, «действие установленного таким образом безусловного предположения невменяемости заключается в том, что до известного возраста ни в каком случае не могут быть применены уголовные наказания, а только домашние меры...» [Там же, с. 390].

Таким образом, в середине XIX века в науке российского права на основе достижений отечественных ученых, с учетом зарубежных исследований, были сформулированы понятия «вменяемость» и «невменяемость», определены юридические и медицинские критерии названных категорий.

В первом официально опубликованном учебнике российского уголовного права В. Д. Спасовича вменяемость определялась как «состояние человека, в котором, по присутствию в нем сознания, он внутренне свободен, так что совершаемые им действия могут быть относимы на его счет, ставимы ему в вину, называются состоянием вменяемости». Под невменяемостью автор понимал «состояние, в котором, по отсутствию или искажению сознания, деяния данного человека не могут быть признаны сознательными» [9, с. 117].

Таким образом, состояние вменяемости или невменяемости связывается, в первую очередь, с психическим состоянием человека, с состоянием его «сознания». Вместе с тем подробно не разъясняется, в связи с чем может нарушаться психическое здоровье и изменяться сознание. В общем виде в качестве таких причин указаны психические болезни и возраст.

Подробнее медицинские критерии невменяемости определены в трудах другого ученого – В. Д. Сергеевского. К ним он относит: малолетство, идиотию, глухонемоту, старческое одряхление, болезненное беспмятство, душевные болезни, сонные состояния [8, с. 269].

Рассматриваемый период развития науки уголовного права характеризуется неоднозначным подходом к проблеме выделения так называемой «уменьшенной», или «ограниченной», вменяемости. Ряд авторов указывали на принципиальную невозможность разрешения данной проблемы. «Может ли при этих состояниях (душевного расстройства) существовать некоторая степень вменяемости – это такой вопрос, на который ни один земной судья никогда с уверенностью не решится ответить утвердительно», – отмечал А. Ф. Бернер [2, с. 390].

В. Д. Спасович признавал различные степени вменяемости, в том числе ограниченную или, как он ее называл, «ослабленную» вменяемость. По его мнению, в юридической вменяемости можно допустить три ступени: 1) полную вменяемость; 2) полную невменяемость и 3) ослабленную вменяемость. Полная невменяемость устраняет всякую мысль о преступлении уголовном, ослабленная вменяемость, не уничтожая вины, оказывает только влияние на смягчение наказаний [9, с. 119]. Таким образом, автор прямо определяет юридическое значение «ослабленной вменяемости» – влияние на назначение наказания.

Однако не все ученые придерживались подобной позиции. В частности, А. Ф. Кистяковский однозначно отрицал данное положение, указывая, что «нет среднего состояния вменяемости и невменяемости, так как уменьшенная вменяемость есть все же вменяемость» [4, с. 85]. Аналогичную позицию занимал и известный ученый-психиатр В. Х. Кандинский. По его мнению, из того, что существуют разные степени психических расстройств, вовсе не следует, что в законе должны быть установлены разные степени вменяемости [3, с. 47].

Учение о неполной, или так называемой уменьшенной, вменяемости упоминает и Н. Д. Сергеевский. Автор указывает, что данное учение основывается на положениях психиатрической науки, согласно которым от душевного состояния полного идиотизма до слабоумия заключается целый ряд промежуточных психических состояний. При наличии некоторых из них ответственность за деяния определяется психической аномалией, не настолько правда расстраивающей душевную деятельность, чтобы устранить возможность руководить мотивами, но существенно уменьшающей или ослабляющей такую возможность. На основании этого признается уменьшенная вменяемость, причем лица, совершившие преступные деяния, помещаются в особые лечебные заведения или подлежат смягчению наказания [7, с. 282].

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что автору известно учение об «уменьшенной вменяемости», содержание данного понятия и правовые последствия признания лица «уменьшенно вменяемым». Вместе с тем автор не высказывает своего личного отношения к данному учению, отмечая, что российскому праву институт неполной вменяемости не известен, да и в теории он не получил всеобщего признания и считается спорным. Здесь следует согласиться с точкой зрения А. И. Чучаева, что невозможно определить отношение ученого к уменьшенной или неполной вменяемости. Ученый лишь указывает на спорность данного института [12, с. 94].

Таким образом, несмотря на то, что нормы, освобождающие от уголовной ответственности психически больных, были предусмотрены в законодательстве России XVII-XVIII веков, впервые институт невменяемости

нашел отражение в трудах ученых и нормативных правовых актах XIX века. К первой половине XIX века относятся попытки сформулировать понятие невменяемости, его отличия от вменяемости, выделить основные признаки. Вторая половина XIX века характеризуется существенным развитием науки уголовного права, в том числе в сфере изучения рассматриваемого правового института. На основе законодательства, зарубежного опыта постепенно выделяются юридический и медицинский критерии невменяемости, исследуются их признаки, делаются попытки сформулировать соответствующие определения. Достижения уголовно-правовой науки заложили фундамент для изучения указанного института в России, в советской науке, а также являются базой для исследований современных ученых.

Список литературы

1. **Белогриц-Котляревский Л. С.** Учебник русского уголовного права: общая и особенная части. К. – СПб. – Х., 1904. 618 с.
2. **Бернер А. Ф.** Учебник уголовного права: части общая и особенная / примеч., прилож. и дополн. Н. Неклюдова. СПб.: Изд-во Н. Неклюдова, 1865. 754 с.
3. **Кандинский В. Х.** К вопросу о невменяемости. М., 1890. 240 с.
4. **Кистяковский А. Ф.** Элементарный учебник общего уголовного права: общая часть. Киев, 1875. 413 с.
5. **Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ).** СПб., 1830. Т. 1.
6. **Российское законодательство X-XX веков /** под общей ред. О. И. Чистякова. М., 1986. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. 512 с.
7. **Сергеевский Н. Д.** Русское уголовное право: часть общая. Прага, 1923.
8. **Сергеевский Н. Д.** Русское уголовное право: часть общая: пособие к лекциям. СПб., 1887.
9. **Спасович В. Д.** Учебник уголовного права. СПб.: Тип. Иосафат Огрязко, 1863. Т. 1. 438 с.
10. **Уложение о наказаниях уголовных и исправительных.** СПб., 1845.
11. **Чучаев А. А.** Преступление в концепции Г. И. Солнцева // Право и практика. 2008. № 5. С. 396-404.
12. **Чучаев А. И. Н. Д.** Сергеевский: жизненные вехи и творческое наследие. Ульяновск: УлГУ, 2006. 288 с.

INSANITY INSTITUTE EVOLUTION IN CRIMINAL-LEGAL SCIENCE OF RUSSIA OF THE XIXTH CENTURY

Andrei Nikolaevich Batanov, Ph. D. in Law
Department of Criminal Process and Criminalistics
Ul'yanovsk State University
Anbat78@mail.ru

The author considers the idea of insanity in the criminal-legal science of Russia of the XIXth century, conducts the analysis of major scientific works by Russian forensic scientists on this subject, the normative foundations of insanity institute, foreign influence on Russian jurists' ideas, and studies the reflection of changing scientific ideas in academic literature.

Key words and phrases: criminal legislation; criminal legislation history; sanity; insanity.

УДК 7

Искусствоведение

Статья посвящена осмыслению глубинных процессов, происходящих в русском скрипичном исполнительском искусстве в период становления. Характеризуются концертные площадки Петербурга и Москвы конца XVIII столетия, затрагивается проблема организации концертных выступлений музыкантов. Впервые прослеживается влияние условий бытования скрипичного исполнительства на формирование и развитие жанров скрипичной музыки в России.

Ключевые слова и фразы: скрипичное исполнительство; условия бытования; дворцы; театры; площади.

Екатерина Энверовна Бахтиярова

Кафедра теории и истории музыки

Ростовская государственная консерватория (академия) им. С. В. Рахманинова

ekaterina.enverovna@mail.ru

**В ДВОРЦАХ И ТЕАТРАЛЬНЫХ ЗАЛАХ:
УСЛОВИЯ БЫТОВАНИЯ СКРИПИЧНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬСТВА
В РОССИИ КОНЦА XVIII ВЕКА[©]**

Становление концертно-исполнительской практики в России произошло сравнительно поздно. Во многом это было связано с условиями русской политической системы – абсолютистской монархии, в то время как в государствах со сформированными «демократическими институтами» [4, с. 152], таких, как Италия,